

УДК 811.111'373.611

ОСОБЕННОСТИ ДОСТУПА К КОНТАМИНИРОВАННЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

М.А. Карцова

Тверской государственной университет, Тверь

Статья посвящена обсуждению результатов эксперимента с испытуемыми – носителями русско-английского билингвизма, целью которого является выявление особенностей доступа к хранению и извлечению значений контаминированных образований из ментального лексикона. Анализ полученных от испытуемых языковых фактов позволяет в целом рассматривать изучаемый процесс как явление, обратное концептуальной интеграции в терминах Фоконье и Тёрнера.

Ключевые слова: контаминант, хранение и доступ к значениям контаминированных образований, дезинтеграция смешанного пространства.

Рассмотрение контаминированных образований в качестве сложно репрезентированных единиц в ментальном лексиконе позволяет поставить вопрос о специфике доступа к единицам такого рода и факторах, обуславливающих этот процесс. Известные на сегодняшний день модели доступа к хранению и извлечению значений слов в ментальном лексиконе [6; 8; 14] дают возможность предположить, что опознание контаминанта, как и любой другой единицы, осуществляется двумя способами: непосредственно, либо через идентификацию отдельных составляющих.

Выявление особенностей идентификации контаминированных образований требует обращения к индивидуальному сознанию рядового носителя языка и культуры с помощью экспериментальных методик. С этой целью нами был проведён психолингвистический эксперимент с носителями учебного (русско-английского) билингвизма, которым было предъявлено три категории стимулов – слов, образованных в результате взаимодействия двух или более исходных единиц, которые проходят процесс усечения и объединяются в единую лексему, либо имеют схожие фрагменты в своей структуре и объединяются путём наложения. Первую категорию составили следующие контаминанты: *Bragelina*, представленный в Oxford Learner's Dictionaries [13], *chillax* – в Collins English Dictionary [10], а также *catastroika* и *thrillionaire* – в англоязычном словаре The Official Dictionary of Unofficial English [9]. Вторая категория стимулов включала в себя недавние транслитерированные англоязычные заимствования в русском языке, сохранившие форму (*бранч*, *джеггинсы*, *Брексит*, *фаблет* [URL]). Третья состояла из таких русскоязычных единиц, как *филолук*, *жритель*, *пермьзан*, *дивчайна* [URL], отобранных методом сплошной выборки из исследований, связанных с изучением проблемы контаминации. Первичный отбор стимулов (как англоязычных, так и русскоязычных) был обусловлен спецификой учебного двуязычия, характеризующегося попеременным функционированием двух или более языковых систем в сознании билингва и выражающегося в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного.

Предъявленные стимулы были изучены с точки зрения актуальности для носителей англоязычной и русскоязычной культур. В основе актуальности слова, прежде всего, лежат такие психолингвистические параметры, как степень знакомости/ известности единицы для индивида и её субъективная частотность, которые взаимообусловлены. Обратим внимание, что контаминированные образования обладают «статусом единиц периферийных слоёв ментального лексикона» (см. об

этом: [1]), поэтому в частотных словарях они не зарегистрированы. В этой связи нами были использованы данные словаря The Official Dictionary of Unofficial English, в содержание которого входит не только значение контаминанта, но и частота встречаемости слова в разных контекстах с указанием даты, источника и автора публикации. Кроме того, частотность предъявленных в эксперименте стимулов определялась путём подсчёта количества обращений пользователей к поисковой системе Google при помощи платформы Google Trends [12]. Данное web-приложение на графике отображает динамику «популярности» запрашиваемых слов с течением времени. Так, в настоящем эксперименте контаминанты каждой категории стимулов расположены в порядке убывания частоты их использования соответственно.

В нашем исследовании были использованы методики свободного ассоциативного эксперимента и субъективного дефинирования, а также задания, направленные на выявление степени знакомости/ известности слов для Ии. и их осведомлённости об области их употребления. Интерес представлял процесс доступа к значениям слов-стимулов, предъявленных Ии. изолированно (вне вербального контекста).

В ходе эксперимента Ии. были разделены на две группы. Первой группе было дано задание записать ассоциации к словам-стимулам без ограничения на выбор языка и количество реакций, а второй было предложено объяснить значение каждого стимула. Кроме того, обе группы должны были пояснить, является тот или иной стимул знакомым словом (поставить «+») или нет (поставить «-») и указать, в каких областях он мог встречаться. В качестве Ии. выступили студенты 4 курса факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, изучающие английский язык в качестве специальности по направлению «Лингвистика», а также студенты 1 курса магистратуры того же направления. Общее число Ии., принявших участие в эксперименте, составило 30 человек, все они могут рассматриваться как искусственные билингвы, знакомые в той или иной степени с элементами англоязычной культуры. По гендерному принципу анализ не проводился. Всего по итогам всех заданий эксперимента от Ии. было получено 268 ответов (129 субъективных дефиниций, из них 16 отказов; 139 свободных ассоциаций, из них 18 отказов).

В результате количественного и качественного анализа было установлено, что основными реакциями на англоязычные стимулы *Brangelina*, *chillax*, *catastroika* и *thrillionaire* оказались переводные (32%) (например, *Brangelina* < союз *Брэда Питта* и *Анджелины Джоли*) и псевдо-переводные реакции (53%) – реакции Ии., в которых даётся перевод слова при отсутствии знания исконного значения контаминанта (например, *thrillionaire* < человек, который боится смотреть триллеры). Преобладающее количество псевдо-переводных реакций свидетельствует, прежде всего, о «невключённости» предъявленных стимулов во внутренний контекст многих Ии. Пытаясь найти сходство между незнакомым и уже знакомым словом, обращаясь при этом к различным типам знания, Ии. прибегали к использованию различных опор (ключей), которые находились в слове и могли быть опознаны индивидами. Одной из обнаруженных нами закономерностей можно считать то, что при восприятии малознакомых или незнакомых слов увеличивалась опора на элементы слова и уменьшалось его восприятие как целостного образования.

Так, при идентификации субъективно низкочастотных стимулов важной для Ии. оказалась опора на внешнюю форму слова, а именно выделяемые в контаминированном образовании фрагменты (например, *chillax* < что-то холодное), а также опора на возникающее ощущение сходства с другими единицами языка (например,

Brangelina < балерина). Всё же несколько Ии. (8), имеющих хорошую лингвистическую подготовку и обладающих достаточными фоновыми знаниями, попытались подвергнуть данные контаминированные образования поэlementному анализу, восстановив слова-источники на английском и/ или русском языке (например, *catastroika* < *catastrophy* + *perestroika*). В 5 реакциях из 84 (6%), тем не менее, граница «расчленения» контаминированного образования проходила по ложному шву, обнаружив источники, которые уводили Ии. от «правильного» опознания значения контаминанта. Среди таких реакций Ии. внимания заслуживают следующие: свободная ассоциация на стимул *catastroika* – лошади, мотивированная конечным элементом *-troika* (рус. тройка), и *тройка котов*, являющаяся результатом поочерёдного доступа сначала к начальному компоненту стимула – *cata-*, а потом конечному *-troika*. Выделенный Ии. фрагмент *-troika*, переосмысленный как «упряжка в три лошади», был явно обусловлен культурной принадлежностью Ии., его знанием реалий родной культуры, в то время как вторая реакция отражает способности Ии. к языковой игре.

В процессе доступа к контаминированному образованию Ии. часто склонны расчленять его на некие составляющие (в терминологии Д. Эйчинсон «chunks» [7: 107]), соотнося их со знакомыми элементами родного и/или изучаемого (изучаемых) языка (языков). Другими словами, Ии. осуществляют опору на «чанки» таким же образом, как это было показано в исследовании И.В. Новиковой, выполненном на материале полиморфемных слов [4: 9–10]. При этом следует сказать, что «разрыв связи» составляющих контаминанта осуществляется Ии. не по «морфемному шву», который сигнализирует о соединении разных слов в контаминированное образование с точки зрения системно-структурного подхода.

Интерпретация слов-стимулов путём перевода на язык оригинала была осуществлена Ии. и в отношении транслитерированных англоязычных заимствований в русском языке, сохранивших форму (*бранч*, *джеггинсы*, *Брексит*, *фаблет*). В общей сложности было получено лишь 32,4% «верных» переводных реакций, раскрывающих первоначальный замысел контаминантов. Наиболее трудными для идентификации оказались стимулы *Брексит* и *фаблет*, где из-за недостатка фоновых знаний доступ к значениям контаминантов осуществлялся с опорой на звукобуквенный комплекс. Среди полученных псевдо-переводных реакций считаем всё же необходимым выделить две ассоциации Ии. на русском языке на стимул *Брексит*: *место для отдыха в офисе* и *место для отдыха*, ставшими продуктом вторичной концептуальной интеграции в терминах G. Fauconnier и M. Turner [11]. При «распаковывании» данного контаминанта Ии. обнаружили два слова-источника, показавшиеся созвучными стимулу: *break* (в значении 'перерыв') и *seat* (в значении 'место'). В процессе когнитивной операции в сознании Ии. произошло слияние ментальных пространств *перерыв* и *место*, которые впоследствии сформировали новое промежуточное (родовое) пространство *отдых*. Это даёт основание полагать, что идентификация контаминированного образования предполагает множественность интегрирования и представляет собой творческий процесс распознавания образов. Как отмечается в работе [2], «продукт сращивания может быть входным для следующей операции сращивания, что открывает удивительные возможности для концептуальной креативности».

Идентификация стимулов *бранч* и *джеггинсы* не вызвала затруднений (было получено всего 2 отказа). Эти слова были знакомы Ии., так как встречались в текстах учебных курсов и СМИ, что было указано в анкетах.

Доступ к значениям русскоязычных стимулов *жритель*, *дивчайна*, *филолух*, *пермьзан* был обусловлен внешней формой слова и субъективной частотностью для Ии. В большинстве случаев идентификация этой категории стимулов осуществлялась с опорой на возникающее у Ии. ощущение сходства с другими словами родного языка (например, *пермьзан* < *пармезан*) (83,5%), а также с опорой на эмоционально-оценочные переживания (например, *жритель* < *ироничное обозначение зрителя, который мешаает остальным своим жеванием (от слова «жрать»)*) (9,3%). В некоторых случаях идентификация слов-стимулов могла привести к актуализации фоновых знаний (в двух бланках ответов «распакованные» понятия *Пермь* и *пармезан* автоматически активировали в памяти Ии. связанные с ними ассоциации о санкциях, введённых в отношении России в связи с определёнными политическими и экономическими событиями). Это подтверждает идею о том, что «при идентификации изолированного слова носитель языка немедленно включает это слово в контекст своего предшествующего опыта; фактически это совпадает с идентификацией первого слова нового сообщения, восприятие которого не подготовлено ни ситуацией, ни предшествующим вербальным контекстом» [3: 195].

Обобщая результаты качественного анализа экспериментальных данных на этом этапе, мы можем сделать вывод, что при предъявлении стимулов вне контекста основными опорами для Ии. при доступе к контаминированному образованию в процессе идентификации являются:

1) опора на перевод и прямую дефиницию слова (переводные и псевдо-переводные реакции): *thrillionaire* < *человек, у которого дух захватывает; catastroika* < *стройка котов;*

2) опора на фонетический образ (фонетические реакции, созвучные с исходным словом) с дальнейшим подразделением на следующие группы:

а) сходные по начальному элементу: *Брексит* < *похоже на брекеты, возможно, из сферы стоматологии и ортодонт-систем; thrillionaire* < *thriller – a man who scares people, триллер;*

б) сходные по конечному элементу: *catastroika* < *стройка, лошади; пермьзан* < *порода птиц;*

3) опора на морфологические компоненты слова (опознание мотивирующего элемента слова): *Брексит* < *место для отдыха в офисе, место для отдыха; бранч* < *breakfast + lunch, приём пищи между завтраком и обедом; фаблет* < *маленькая фабула, fabulous + outlet;*

4) опора на возникающее у Ии. ощущение сходства слова-стимула с другими единицами языка (так называемые «графические соседи»): *бранч* < *подразделение, отдел, ответвление, раздел, ветвь;*

5) опора на эмоционально-оценочные переживания, когда даётся оценка предмету и описываются разные оттенки эмоционального отношения, признаётся важность участия чувственно-сенсорного компонента: *джеггинсы* < *штаны из прочного облегающего тянущегося материала, обтягивающие лайкровые джинсы, джинсы из эластичного материала без молний и карманов, обтягивающие джинсы без молний и пуговиц;*

6) опора на уже известную ситуацию, соотнесение со своим опытом и ранее полученными знаниями: *Брексит* < *выход Великобритании из ЕС; фаблет* < *таблет, телефон, смартфон; пермьзан* < *что-то связанное с Пермью, может, сыр, который стали там делать после санкций.*

Анализируя возможности выбора опоры, мы пришли к выводу, что в ряде случаев не представлялось возможным выделить приоритетные опорные элементы,

так как реакции Ии. свидетельствуют о взаимодействии опор разного типа, что связано с «интеракцией разных видов знания в индивидуальном лексиконе в процессе распознавания слова» [5: 86].

Обобщая выявленные особенности способов опознания и извлечения значений контаминированных образований, мы сделали вывод, что идентификация контаминантов осуществляется по моделям последовательного доступа, предполагающего поэлементный анализ, и альтернативного (параллельного), понимаемого как схватывание целостного образа. Так, в нашем исследовании поэлементному анализу подверглось 63,4% всех предъявленных стимулов, в то время как целостному – 36,6%. То, какой именно способ был задействован в каждом конкретном случае, зависело в первую очередь от степени знакомости/ известности единицы для индивида и её субъективной частотности. Субъективно высокочастотные контаминанты воспринимались Ии., предположительно, как неделимое целое (например, *бранч* < *перекус*), подобно мономорфемным словам, где связь между значениями слов-источников и контаминированным образованием была утрачена. В некоторых случаях стимул и вовсе воспринимался не как многокомпонентная единица, относящаяся к периферийным слоям ментального лексикона, а как слово, зарегистрированное в толковых словарях английского языка (например, *бранч* < *ветвь, ответвление, раздел*). С другой стороны, неизвестные/ малоизвестные слова, скорее всего, обрабатывались через составляющие их морфемы, так как репрезентация целого слова, которая могла бы быть активирована, отсутствовала. Так, субъективно низкочастотные контаминанты (например, *thrillionaire*) конструировались из репрезентаций слов-источников, «чанков» (*chunks*), которые могли соотноситься со знакомыми элементами родного и/или изучаемого языка. По нашим наблюдениям, степень влияния родного языка и культуры находилась в определённой зависимости от уровня владения неродным языком искусственными билингвами: чем более незнакомым стимул казался Ии. по причине отсутствия фоновых знаний и/или недостаточной лингвистической подготовки, тем большее значение имел принцип опоры на родной язык (например, *catastroika* < *стройка, стройка котов, лошади*).

Важно отметить, что идентификация контаминантов зависела также от степени усечённости компонентов слова. Понимание единиц с низкой степенью сокращения было связано с меньшими умственными затратами, чем с пониманием слов с высокой степенью сокращения. Полная форма слова-источника не всегда могла быть восстановлена из части, входящей в состав контаминанта (например, *Брексит* < *имя, человек*). В этом случае соответствующая ментальная репрезентация не была активирована, а следовательно, значение стимула не могло быть понято верно.

Таким образом, нами было выяснено, что предпочтение поэлементному доступу к значениям контаминированных образований будет отдаваться в следующих случаях: а) стимул является для Ии. субъективно низкочастотным; б) присутствует фактор новизны; в) отсутствует контекст; г) есть мотивирующие морфемы, воспринимаемые Ии. как высокочастотные.

При прямом (непосредственном) доступе важными являются следующие предпосылки: а) стимул является для Ии. субъективно высокочастотным, так что может восприниматься как неделимое целое; б) отсутствует или слабо выражен фактор новизны; в) мотивирующие элементы контаминанта соотносятся с другим, уже знакомым словом («графическим соседом»).

При предъявлении стимулов вне контекста основными факторами, влияющими на доступ к значениям контаминанта, являются: а) субъективная частотность слова для Ии. как одно из проявлений внутреннего контекста; б) перцептивные факторы

(визуальная знакомость слова, звукобуквенное соответствие, частота повторения слова); в) степень выраженности лексических свойств контаминированных единиц (степень усечённости компонентов слова, орфографическое сходство с другими высокочастотными «соседями», частотность морфемы); г) интеграция опор в процессе идентификации слова; д) объём фоновых знаний родной культуры и культуры изучаемого языка; е) уровень лингвистической компетентности; ж) количество и качество словаря родного и изучаемого языков.

Следует отметить, что для большей части Ии. основополагающим фактором, влияющим на восприятие контаминированных образований, всё же явилась субъективная частотность слова: Ии. «перестраивали» первоначальное значение контаминанта под то, которое оказалось для них наиболее актуальным. Причём значения некоторых из этих единиц часто оказывались далёкими от значения исконного слова. Это даёт основания охарактеризовать процесс опознания и извлечения контаминированных образований из ментального лексикона как процесс, обратный блендингу в терминах Фоконье и Тёрнера [11], который в свою очередь предлагается рассматривать как процесс концептуальной дезинтеграции. При «распаковывании» контаминированных образований обнаруживается иное, индивидуальное значение слова, которое, с одной стороны, наследует роли и свойства исходных ментальных пространств и, с другой стороны, приобретает собственную структуру, «новые оттенки» и «смысловые нюансы» под влиянием внутреннего и внешнего (понимаемого широко) контекста. Поэтому восприятие контаминированного образования – это не столько познавательная, сколько распознавательная деятельность носителя языка как члена социума и представителя национальной культуры.

Итак, модель процесса идентификации контаминированного образования можно представить следующим образом. Процесс доступа к слову включает в себя несколько стадий и начинается с восприятия стимула. В зависимости от особенностей стимула он может восприниматься как цельнооформленное слово (когда слово ранее встречалось в различных контекстах и воспринимается как знакомое или через идентификацию отдельных составляющих. Под влиянием родного языка в силу специфики ситуации учебного двуязычия Ии. актуализируют внутреннюю форму слова, которая служит опорой для идентификации. В процессе поиска возможных опор идентификации выделяется основной опорный элемент, который ведёт к извлечению всей имеющейся информации о слове, т.е. его идентификации.

Список литературы

1. Гришкина Е.Н. Новизна лексической единицы как интегративный параметр психологической структуры значения слова (на материале психолингвистического эксперимента): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Н. Гришкина ; Тверь: Твер. гос. ун-т., 2017. 179 с.
2. Залевская А.А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 2. С. 56–71.
3. Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» // Вопросы психолингвистики. 2013. № 1 (17). С. 8–19.
4. Новикова И.В. Психолингвистическое исследование идентификации полиморфного слова при учебном двуязычии: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И. В. Новикова; Тверь: Твер. гос. ун-т., 2011. 20 с.
5. Сазонова Т.Ю. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход: монография . Тверь: Твер. гос. ун-т., 2000. 134 с.

6. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами). М. : Издательство ЛКИ, 2012. 344 с.
7. Aitchison J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon / J. Aitchison. Oxford : Basil Blackwell, 1987. 229 p.
8. Baayen H.R. Dutch inflection: The rules that prove the exception / H.R. Baayen, R. Schreuder, N. De Jong, A. Krott // Storage and Computation in the Language Faculty. 2002. № 3. P. 61–92.
9. Barret G. The Official Dictionary of Unofficial English [Текст] / G. Barret. New York: McGraw-Hill, 2006. 412 p.
10. Collins English Dictionary: [электронный словарь] / URL: <http://www.collinsdictionary.com>. (Дата обращения: 01.02.2018).
11. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York : Basic Books, 2001. 440 pp.
12. Google Trends [электронный сервис] / URL: <https://trends.google.ru/trends/?geo=RU>. (Дата обращения: 30.10.2018).
13. Oxford Learner's Dictionaries: [электронный словарь] / URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (Дата обращения: 24.01.2018).
14. Taft M. Morphological decomposition and the reverse base frequency effect // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2004. № 57 (A). P. 745–746.

SPECIFICS OF ACCESS TO CONTAMINATED UNITS IN THE MENTAL LEXICON

M.A. Kartsova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the discussion of the experimental results with the bilingual Russian-English students, the purpose of which is to identify the features of access to storage and extraction of contaminated unit meanings from the mental lexicon. Linguistic data analysis allows considering the process under study as a phenomenon opposite to conceptual integration in terms of Fauconnier and Turner. Conceptual disintegration is viewed from the point of view of a number of detected factors that determine its process.

Keywords: *contaminant, storage and access to the meanings of contaminated units, disintegration of blended space.*

Об авторе:

КАРЦОВА Маргарита Алексеевна – аспирант кафедры теории языка и перевода
Тверского государственного университета, e-mail: rita.kartsova@mail.ru